

Астральные мифы в поэме М. И. Цветаевой «Царь-Девница»

(в контексте мифа о великом грешнике)

Рамазанова Л.М.

студентка 5-го курса факультета филологии и истории

Елабужский институт К(П)ФУ

г. Елабуга

Зинкин Д.В.

ученик 9-го класса МБОУ «Бухарайская ООШ»

Заинский район, с. Бухарай

В мировой литературе частыми явлениями выступают так называемые «астральные мифы» (от лат. *astralis* – звездный) [1, с. 63], под которыми традиционно принято понимать группы мифов, связанных с небесными телами – как со звездами, созвездиями и планетами (собственно астральные мифы), так и с солнцем и луной (солярные и лунарные мифы). Астральные мифы присутствуют в культурах различных народов мира и зачастую связаны с астральными культами, однако только часть из них носит религиозный характер.

Наиболее развитые комплексы астральных мифов сложились в мифологиях сельскохозяйственных цивилизаций, астрономические наблюдения в которых были наиболее тесно связанными с астральным календарём и, соответственно, с сельскохозяйственными циклами (к таковым можно отнести Древний Египет, Вавилон и культуры Мексики). Для астральных мифов данных культур характерно повышенное внимание к «подвижным» небесным телам – Солнцу, Луне и «блуждающим звездам» – планетам.

Так называемые солярные (от лат. *sol* – солнце) [1, с. 618] и лунарные мифы, являясь разновидностью астральных, играют огромную роль в истории многих культур. В мифологии народов, в экономике которых значительную роль играло земледелие, почитание умирающей и

воскресающей природы тесно переплеталось с древними солярным и лунарным культами, нашедшими свое отражение и в христианской религии.

Мифология была тем бессознательным творчеством народа и первоначальным ядром, из которого возникли сказки, эпос и другие виды народной поэзии, поэтому самые древние представления об устройстве мира так или иначе отразились в устных народных преданиях фантастического характера. Подобные предания, легшие в основу многих народных сказок, нашли свое отражение и в творчестве многих поэтов и писателей-классиков, в частности в творчестве Марины Ивановны Цветаевой, величайшего поэта Серебряного века.

В поэме под названием «Царь-Девница», ставшей интерпретацией русской народной сказки о девице, которая сумела победить козни мачехи и пробудить заколдованного юношу, перед читателем предстает переплетение нескольких астральных мифов, в частности, солярного и лунарного. Чаще всего солярные и лунарные мифы описывают происхождение Солнца и Луны, картины их жизни. В этой группе мифов Солнце и Луна выступают родственной парой – мужа и жены, брата и сестры, реже – родителя и ребенка. Солнце и Луна – типично дуалистические персонажи. Солнце изображается, как правило, главным, царствующим, всевидящим божеством. Луна (Месяц) большей частью маркируется отрицательно. Солнце – мужское начало, Луна – женское. Однако в поэме «Царь-Девница» наблюдается смена полоролевого поведения: в произведении Марины Ивановны появляются женские образы маскулинного типа и мужские – феминного типа [Рамазанова, с. 11]. Наиболее яркими представителями данных типов являются персонажи рассматриваемой нами поэмы: Царь-Девница и ее возлюбленный Царевич, которые являются носителями черт и качеств не только непосредственно небесных светил, но и существ, живущих, согласно христианским верованиям, на небесах и приближенных к богу.

Царь-Девница, отождествляемая автором с Солнцем, является маскулинной женщиной, а Царевич, связанный с Месяцем, – феминным

мужчиной. Суть этого героя отражает яркая фраза, вложенная автором в уста Царь-Девы: «Как, к примеру, Дева-Царь я, / Так, выходит, – Царь-ты-Дева!» [3, с. 129]. Именно в ней отражается смена гендерных ролей героев.

Таким образом, в характеристике Царь-Девы нет телесности, присущей описаниям обычной земной женщины, но при этом нередко встречаются отсылки к огню (солнечному свету) – не страстному, сжигающему, но к живительному, деятельному: «Погляжу на кудри гривой, / Погляжу на *взор пожаром* – / Как не я тебя, а львица / Львиным молоком вскормила!» [3, с. 286]. Перед читателем возникает сильный, благородный образ воительницы, стремительно завоевывающей мужскую любовь. Царь-Дева не только правит тридцатым царством – она также является представительницей мира небесного, а не земного. Однако прямого упоминания об этом в поэме нет – встречаются лишь некоторые намеки: «за морями Царь-Дева живёт» [3, с. 283]. Описание корабля Царь-Девы дается Цветаевой с опорой на библейский миф, что подчеркивает эту мысль: «Подивись со мной, пророк Моисей! Купины твоей прекрасной – красней!» [3, с. 279]. Он сравнивается с неопалимой купиной, из которой, согласно Библии, Моисею явился Господь. Сама же героиня отождествляется автором с Солнцем, живущим на небесах, – она сама есть Солнце, главный солярный символ, олицетворение Космоса: «И снится мне, – молвит, / Лоб-глядя-чело, – Что красное *солнце* / На лоб мне сошло» [3, с. 143].

В «Царь-Деве» возникает тот самый гармоничный образ, представляющий собой органичное слияние мужского и женского в единое существо. Именно Царь-Дева отправляется на поиски жениха, она инициирует их встречи / не-встречи, и она же в итоге в отчаянии завершает так и не начавшийся роман с Царевичем. Однако сильная, смелая, гордая Царь-Дева, несмотря на свое божественное происхождение, все-таки не смогла устоять перед своими чувствами и поддалась им, совершив грехи против ближнего и самой себя – обольстительное поведение, желание прельстить. Она сама перекрыла себе пути к спасению, допустив впадение в

греховность и в результате погибла: «Нигде меня нету. / В никуда я пропала. / Никто не догонит. / Ничто не вернет» [3, с. 359].

В отличие от космической Царь-Девы, Царевич является представителем не только небесного измерения, но и измерения земного, обыденного, ведь он живет в некоем царстве, где правит его пьяница-отец со злой мачехой. Для обозначения противоречивого происхождения и характера героя-Царевича в поэме неоднократно употребляются синонимичные сочетания слов, указывающие на его связь с Луной: «Видно, в полночь, в пятницу / На свет родился. / До любви нелакомый, / Себе немил – / Видно, *месяц*, плакамши, / Слезой обронил» [3, с. 125-126]. Месяц как вторая ипостась Царевича объясняет его тягу к морю. Древние славяне почитали луну как владыку воды, с ней связаны морские приливы и отливы, именно с водой и луной сравнивается покаянный царевич, что контрастно с солярным образом героини и одновременно синонимично. Вот что говорит Царь-Дева о своем отношении к возлюбленному: «Одним своим *лучом* единым / Мы *светел-месяц* полоним» [3, с. 130]. Царевич засыпает в тот момент, когда приезжает его избранница, поскольку двум светилам не дано встретиться и тем более быть вместе, так как каждое из них появляется в разное время суток.

Любая попытка Царевича самостоятельно отправится к своей возлюбленной пресекалась колдовскими действиями дядьки-колдуна и мачехи: «То булавка-сон / Промеж хилых плеч, / То острожник двух рук ревнивых / Женской мстью сражен в загривок» [3, с. 188]. В конце поэмы герой понимает, что стал жертвой женских интриг и был игрушкой в чужих руках. От осознания своей беспомощности и отчаяния он убивает виновника всех своих бед – дядьку-колдуна, который предстает в этот момент перед Царевичем в образе паука, и бросается в воду. В повествовании мы наблюдаем за небесным чином влюбленных, о котором вскользь упоминает Марина Ивановна: «И вовсе над туманом – дым, / Над херувимом — серафим?» [3, с. 138]. Царевич здесь приравнивается к херувиму – крылатому

созданию, живущему на небе. Согласно Книге Бытия, херувим с огненным мечом охраняет вход в рай. Царь-Девница же сравнивается с серафимом. Серафим – это высший ангельский чин в христианской традиции. Херувимы наряду с серафимами занимают самое почетное место в иерархии ангелов – они наиболее приближены к Богу, что подтверждается словами песни Царевича: «Плохой сын Царю земному, – / Знать, Небесному хорош!» [3, с. 167].

Казалось бы, оба героя должны иметь в своей судьбе такой важный элемент богословской триады, как спасение. Однако оба они хоть и раскаиваются в совершенных ими грехах (т.е. реализуется второй элемент богословской триады – покаяние), самого главного греха им все-таки не удалось избежать – оба героя заканчивают жизнь самоубийством. Царь-Девница – от отчаяния, ревности и неразделенной любви, Царевич – от отчаяния, потери возлюбленной и согласно наложенной на него дядькой-колдуном порче.

Перед самоубийством Царевич видит в лазурном небе сцены трех встреч с солярной Царь-Девницей, которые он проспал. Это словно немой укор небесного Отца за то, что его дети не оправдали надежд и все-таки не устояли перед грехом. И в противовес Небесному Царству после смерти герой вместе со своей возлюбленной плывут по реке, которая обычно символизирует переход в Царство Мертвых.

Список литературы:

1. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. – М.: «Аделант», 2014. – 800 с.
2. Рамазанова Л. М. Трансформация мифа о великом грешнике в поэмах М.И. Цветаевой «Чародей», «Царь-Девница», «Егорушка» // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки – №8. – 2017
3. Цветаева М.И. Сочинения: в 2-х т., т.1. / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. А. Саакянц. – М.: Художественная литература, 1988. – 719 с.